

Пол был разрисован кровавыми узорами тёмного ритуала жертвоприношения.

В комнате с плотно задёрнутыми шторами царил полумрак. Источником света являлись лишь три свечи. Под их мерцание Кристабель Померан с ужасом смотрела на своего мужа. Высокий мужчина двигался по краю ритуального круга, аккуратно раскладывая предметы, связанные с Девой Серебряной Луны — лунный камень, мох и морскую соль.

Затем он поднял их дочь, которая появилась на свет всего три дня назад.

Эта маленькая девочка ещё даже не превосходила размером ладонь мужа Кристабель. Она спала с плотно закрытыми глазами и не проявляла ни малейших признаков пробуждения.

Всё потому, что более десяти минут назад Кристабель последовала указаниям своего мужа и накормила её молоком, содержащим сильнодействующее снотворное.

Таким образом, даже несмотря на то что мужчина поместил хрупкую девочку в центр ритуального круга, взял кинжал и оставил ей вертикальный порез на лбу, малышка не заплакала и вообще не издала ни звука.

Но зато Кристабель сделала резкий вдох. Сидя рядом на коленях, она инстинктивно протянула руку к кинжалу, который её муж всё ещё держал над ребёнком, и попыталась отодвинуть столь опасную вещь в сторону — подальше от их дочери.

Хрясь!

Муж Кристабель повернулся и ногой ударил её в живот, отчего она, отлетев в сторону, врезалась в стоявшее у стены высокое зеркало. То покрылось сетью трещин.

— Угх!..

Наверное, Кристабель издала жалобный крик, но из-за сильнейшей боли ей не удалось слышать даже собственного голоса. Она по привычке свернулась калачиком, прикрывая одной рукой свой живот и поднимая другую, чтобы защититься от дальнейших пинков.

Женщина слишком хорошо была знакома с длительными избиениями от мужа, так что она умела быстро прятать свои жизненно важные точки, подобные голове и груди.

Однако на этот раз новых ударов не последовало.

Ей потребовалось некоторое время, чтобы это осознать — когда она приоткрыла мокрые от слёз глаза, её муж уже вернулся в ритуальный круг. Окровавленный кинжал в его руках снова приблизился к лицу их дочери.

Пальцы Кристабель мелко задрожали.

Женщина хотела выкрикнуть «остановись!» и «это наша дочь!», но она могла выдавливать из себя лишь тихие стоны и всхлипы; из-за боли ей было слишком тяжело издавать громкие звуки.

У её дрожащего тела не имелось сил подняться на ноги.

Когда кинжал снова нанёс очередной порез, Кристабель отрешённо отвела взгляд.

Она посмотрела в треснувшее зеркало пустыми глазами, зная, что увидит в нём всю свою беспомощность.

Но это оказалось не так.

В разбитом зеркале вместо её собственного отражения находился незнакомец.

Как именно он выглядел? Трудно было сказать. Кристабель смотрела прямо на него, но ей удавалось различить только такие черты, как «серебристые глаза», «молодой» и «мужчина».

Она понятия не имела, как выглядело его лицо или волосы, какую одежду он носил.

Яркое чувство противоречия застало её врасплох, и Кристабель даже на несколько мгновений позабыла о сковывающих её страхе с болью. Ведомая недоумением, женщина тихо спросила:

— Кто?..

Незнакомец в зеркале, до этого наблюдавший за проведением тёмного ритуала жертвоприношения, удивлённо перевёл взгляд на Кристабель.

— Сегодняшний сон немного странный, — пробормотал он себе под нос. — Кто-то в самом деле заговорил со мной.

Это был язык, незнакомый Кристабель — ритм и слоги звучали непривычно. Его голос эхом отдавался где-то в глубине женщины; при чём её муж, который находился неподалёку, никак не отреагировал и, казалось, в принципе ничего не услышал. Удивительно, но Кристабель без

каких-либо усилий могла понимать смысл слов незнакомца.

А затем она осознала, что, вероятнее всего, совершила ошибку.

«В зеркалах живут злые тени. Заговоришь с зеркалом, и твою душу похитят».

Когда Кристабель была ребёнком, она часто слышала подобные высказывания от пожилых людей; хотя в реальной жизни она ни разу не видела, чтобы чью-нибудь душу похищало зеркало. Такие истории являлись просто сказками на равне с «проклятым ничейным стулом в конце класса» и «прячущимися в потёмках переулков призраками». Просто выдумки, не более.

Будь они правдой, то Инквизиция бы давным-давно проинспектировала все парты и стулья в каждом классе каждой школы, священники Дракона Света осветили бы все переулки яркими фонарями, а последователи Мастера Адгезии конфисковали и запечатали бы зеркала по всему миру, позволяя людям любоваться на своё отражение исключительно в лужах воды.

Кристабель думала так большую часть своей жизни, но сегодня тень из зеркала и впрямь заговорила.

И именно она была той, кто начал диалог.

Женщина застыла на полу у стены.

— Такое происходит впервые, — незнакомец продолжал бормотать себе под нос, не заботясь о том, слышит ли его Кристабель. — Сон поменялся. Это хорошо или плохо? В любом случае... — его взгляд снова упал на ритуальный круг в другом конце комнаты. При виде крови на лице маленькой девочки его серебристые глаза слегка сузились, и он спросил: — Разве вы не собираетесь что-нибудь сделать?

Кристабель понадобилось несколько секунд, чтобы понять, что он обращается к ней.

— Миссис, это ваш ребёнок?

— ...

По примеру незнакомца она повернулась посмотреть на свою дочь, и увидела ещё больше крови. В воздухе начинал скапливаться отвратительный запах металла. Женщину чуть не вырвало. Когда в её поле зрения снова оказались деловитая фигура мужа и ритуальный круг, боль, на которую ранее получалось не обращать внимания, вспыхнула с новой силой.

— У-ух...

Она застонала и повалилась набок, за что получила раздражённый взгляд со стороны мужа.

Стань её поведение слишком шумным, он обязательно подойдёт и даст ей ещё несколько пинков.

Кристабель ничего не могла сделать. У неё не хватало сил сопротивляться своему мужу. Так было всегда — от самого начала до текущего момента.

Из-за того что свадьба являлась способом сбежать от родителей, она не могла повлиять ни на одно из решений своего мужа: он менял или бросал работу; связывался с какими-нибудь мутными крысолодами; требовал, чтобы его жена уволилась и сидела дома.

Если Кристабель не хотела соглашаться, то у него всегда находилось множество способов заставить её изменить мнение — например, удары кулаком.

Прямо как когда она не желала иметь от него ребёнка, а он подал заявку на репродукцию священникам Матери Первозданной Крови. Придя домой, он избил её до потери сознания, затем взял у неё образец крови и передал его в репродуктивный центр.

Кристабель не могла противостоять ему.

Кристабель хотела жить — даже если иногда казалось, что лучше умереть.

— Всё пока не критично.

Незнакомец в зеркале бросил на неё сочувственный взгляд, но в произносимых им словах жалость совершенно отсутствовала.

— Вы и он — обычные люди без магии, и между вами двумя не такая уж большая разница в силе. Даже служители могут погибнуть от неудачного удара ножом, что уж говорить об обычном человеке.

Он жестом велел Кристабель посмотреть на место рядом с ритуальным кругом, где лежал мёртвый петух. Именно этому бедняге принадлежала кровь, которую использовали для черчения узоров на полу.

Сбоку от тела петуха валялся тонкий и острый нож, весь испачканный.

— У того ножа подходящая длина, — методично проговорил незнакомец в зеркале, а затем пальцем указал на определённое место в своём теле. — Если ткнуть им в эту точку, то у него не будет возможности даже обернуться и тем более ударить вас.

Кристабель вперилась взглядом в тонкий окровавленный нож.

Она была удивлена тем, что у неё появился подобный выбор, но ей всё ещё не хватало сил пошевелиться. Женщина могла лишь дрожать.

Стоило просто подумать о том, чтобы взять нож, как перед её глазами всплывал силуэт мужа, вызывая неконтролируемый страх.

Несмотря на то, что Кристабель изо всех сил старалась заставить себя действовать, её руки и ноги становились только всё тяжелее и холоднее, словно их придавливала к земле гора снега.

— ...Хорошо, — незнакомец в зеркале, казалось, заметил её беспомощное оцепенение. Он смягчил свой голос и высказал второе предложение. — Вы ведь знаете, что находитесь сейчас фактически в нескольких шагах от входной двери? Она закрыта? Даже если и закрыта, вы сможете тихо открыть её. Сбегите и сообщите о происходящем в Инквизицию. Ваш муж проводит принадлежащий Деве Серебряной Луны ритуал озверизации, который требует, чтобы исполнитель живьём освежал своих прямых кровных родственников. Судя по всему, он не слишком-то искусен в расчленении. Будьте уверены, учитывая скорость реакции Инквизиции, когда инквизиторы придут в ваш дом, ребёнок будет всё ещё жив.

Губы Кристабель слегка дрогнули.

Незнакомец продолжил:

— Вы беспокоитесь, что ваш муж может услышать, если вы заговорите? Всё в порядке, не нужно ничего произносить вслух, просто ответьте мне в мыслях.

Но Кристабель беспокоило другое.

Будь то взятие ножа или открывание двери, женщина просто буквально не могла заставить себя пошевелиться. Она хотела сказать об этом незнакомцу, но ей было слишком стыдно.

Несколько секунд она собиралась с духом, после чего, наконец, мысленно проговорила:

— «Пожалуйста...»

— Ха-а, — незнакомец вздохнул.

— «Пожалуйста, помогите мне!.. В будущем я сделаю всё, что вы скажете... Только, пожалуйста...»

— Увы, — с сожалением перебило существо в зеркале, — я не могу вмешиваться в свои сны. Даже вот такое общение с кем-то у меня происходит впервые за многие годы; не говоря уже о большем вмешательстве...

«Разве ты не должен быть могущественной тёмной сущностью?» — хотела спросить Кристабель, но потеря последней надежды не позволяла ей даже сформулировано думать.

— Подождите-ка, — незнакомец, казалось, внезапно что-то заметил. — Потому ли это, что со мной заговорили?.. Да, думаю, я могу... Попробовать стоит.

Надежда вспыхнула с новой силой. Кристабель, позабыв все передаваемые с древних времён табу, произнесла слова, которые старики наказывали никогда не произносить в присутствии неизвестных существ:

— Умоляю вас, — она расплакалась. — Моё имя — Кристабель Померан. Я предлагаю вам всю себя в обмен на то, что вы спасёте мою дочь. Я сделаю для вас что угодно.

Пару мгновений незнакомец в зеркале молчал.

— Вы... — он казался немного смущённым. — Если у тебя будет время, зайди как-нибудь в комнату просвещения местной Инквизиции и почитай листовки о борьбе с мошенничеством.

«Он не согласен?..» — Кристабель почувствовала ещё больший холод, словно ледяной ветер обдувал каждую клеточку её тела.

Дрожащая женщина действительно выглядела довольно ничтожно — в самом деле, что она могла ему предложить?

Затем существо в зеркале устало вздохнуло.

— Раз уж ты стала первым человеком, заговорившим со мной в моём сне, — начал он, — то ладно, я согласен.

Кристабель уже хотела на радостях его поблагодарить, как вдруг застыла с широко открытым ртом, ибо в зеркале начало происходить нечто странное.

Фигура незнакомца за гладкой поверхностью изменилась. В зеркальных осколках, разделённых между собой линиями трещин, начали одна за другой появляться померанские женщины-пёсолюды.

У всех этих померанских пёсолюдов были белые растрёпанные волосы и пара маленьких собачьих ушей, торчащих по бокам головы.

Также у каждого из них имелся заметный шрам на правом ухе, полученный ещё в детстве.

Да, все эти померанские женщины-пёсолюды являлись отражениями Кристабель.

За зеркальными глазами Кристабели либо плакали, либо дрожали, либо просто пустым взглядом разглядывали раны по всему своему телу. Затем они хором заговорили голосом незнакомца.

— Ну же, посмотри в зеркало.

После все они — вернее, «все он» — начали превращаться в кого-то, кто выглядел как Кристабель; в кого-то, чьего серьёзного выражения лица настоящая Кристабель никогда не имела.

— Разорви цепи из своих эмоций. Зеркало отражает твои истинные желания...

Плачущие, испуганные, застывшие на месте и дрожащие Кристабель окончательно исчезли. Вместо них появилась спокойная, собранная Кристабель; в её тёмных глазах поблёскивал холод.

Стоило настоящей Кристабель встретиться со своей копией взглядом, как весь страх и оцепенение внезапно исчезли. Выражение её лица стало таким же, как в зеркале; пульс выровнялся, сердце принялось уверенно перекачивать горячую кровь в замёрзшие конечности; тело ощутило прилив сил, позволяющий ему встать.

Теперь можно было тихонько открыть дверь, выскользнуть на улицу и обратиться в Инквизицию.

Но когда Кристабель обернулась, перед её глазами предстала фигура мужа.

Сейчас, без затуманивающего разум страха, этот человек по-прежнему казался внушительно высоким — однако теперь его тёмная кожа имела заметную нездоровую бледность.

Прошло много времени с тех пор, как он в последний раз получал зарплату, в результате чего Кристабель могла лишь каждые день готовить обычную лапшу. Пёсолюды — это раса, которой очень важно есть мясо. Плохая диета заставляла её мужа выглядеть неуклюже и толстовато, его мышцы также значительно поубавили в объёме.

Женщина снова посмотрела на свою дочь.

Ножевые порезы тянулись ото лба девочки до её груди.

Да, нужно было выбираться на улицу и бежать в Инквизицию.

Думая об этом, Кристabelle повернулся спиной к двери и тихо направилась к ритуальному кругу. Оставаясь незамеченной, она спокойно подобрала нож из лужи крови и начала бесшумно приближаться к своему мужу.

***

Брызги из перерезанной артерии попали на зеркало.

Человек внутри него зевнул.

— [Ты прорастаешь], — раздался чей-то голос откуда-то свысока.

«Сегодняшний сон в самом деле был очень странным», — подумал Линь. Его глаза закрылись, а потом сразу снова открылись.

Проснувшись, он обнаружил, что умудрился задремать в метро.

<http://bllate.org/book/12612/1119949>